

МИХАИЛ
ЖВАНЕЦКИЙ

Я вчера
ви́дел раков

Михаил Михайлович Жванецкий

Я вчера видел раков

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8723547

Михаил Жванецкий. Я вчера видел раков : собрание произведений :

восемьдесятые: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-74326-1

Аннотация

Собрание произведений Михаила Жванецкого, написанные в восьмидесятые. «Я видел раков»; «Консерватория»; «Так жить нельзя»; «Где рыба? Рыба где?»; помнят все поклонники автора.

Содержание

Восмидесятые	6
Почему мне так часто кажется	8
Как я пишу?.	10
Жлобство – это не хамство	12
Трудности кино	14
Писательское счастье	18
Он не знал	19
Наши неудачи	25
Старших и ведущих инженеров...	29
Обед	31
Куда ходит наш человек?	40
Что делать?	43
Тяжелый характер	45
Из размышлений под оркестр легкой музыки	48
Восточная мудрость	50
Успокойтесь, ухожу (Для Р. Карцева)	56
Осень	59
Броня моя	61
Мы природу бережем	64
Конечно, успехи медицины огромны	66
Неужели снова хорошо?	67
В Париже	70
Вместе	72

Волевой	74
Рассказ подрывника	77
Лица прохожих	79
Давайте в августе...	84
Что такое юмор?	89
Где рыба? Рыба где?	93
Я видел раков (Для Р. Карцева)	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Михаил Жванецкий
Я вчера видел раков:
собрание произведений:
ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Составитель *Олег Сташкевич*

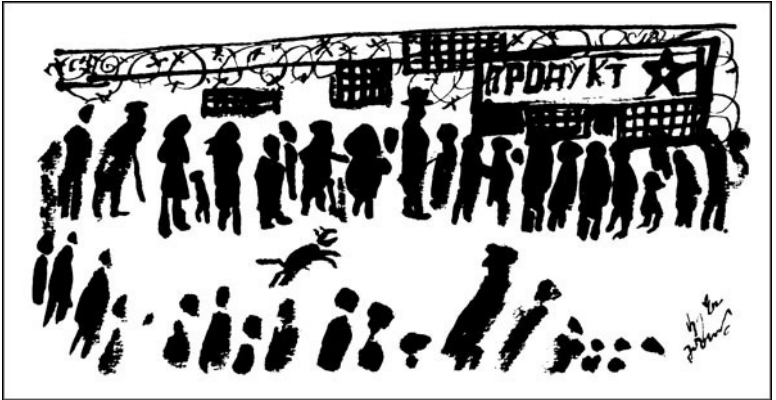
Рисунки *Резо Габриадзе*

© М. Жванецкий, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Восмидесятые

Вернулся в Одессу, и со мной вернулись Роман Карцев и Виктор Ильченко. Если кто-нибудь не понял эту фразу, я повторю: со мной вернулись в Одессу Роман Карцев и Виктор Ильченко, хотя их никто не увольнял. В Одессе мы создали Театр миниатюр. Там грянула холера. Город был оцеплен карантинном, репертуарная комиссия из Киева не смогла прилететь, и мы стали лауреатами Всесоюзного конкурса артистов эстрады. В те годы всюду к сатире относились подозрительно, а в Киеве в ней видели источник всех бед и неурожаев, и мы бежали путем конкурса в Московский театр миниатюр. А мне помог комсомол, космонавты, все, кому я читал,

кого веселил, кто открыто меня не поддерживал, но в душе присоединялся...

Почему мне так часто кажется

Почему мне так часто кажется, что они ошиблись. Они выдали паспорт не тому человеку. Просто не может быть... Сорок лет, и зовут Миша... И внешность – это все не мое. Должен быть где-то такой человек, которому это все предназначалось. Мне сейчас, по моим расчетам, что-то около двадцати восьми. Брюнетик. Среднего роста. Худенький. Глаза на все лицо. Довольно мускулистенький. Быстрый. Безо всякого морского прошлого. Я что-то закончил юридическое или географическое. Я более злой. Более четок и пунктуален. Обязателен более... Подвижен... Зовут не Миша, а Юра меня.

Я не пишу эту всякую чушь, я что-то читаю... И хожу окруженный студентами, хотя для двадцати восьми это и рановато, но я, вероятно, очень способный.

И все-таки главное – это другая внешность, и возраст, и имя. А если это все мое, то я занимаюсь не своим делом и мне еще предстоит поискать, хотя возраст для поисков неподходящий. Если я действительно не своих лет, почему мне так трудно с молодыми? Почему я облегченно вздыхаю, увидев обрюзгшую лысую физиономию с яркими признаками перепоя или пародонтозно-склеротической тоски, с шумами в сердце и свистом в легких. Куда я к этой развалине такой молодой и кудрявый? А эта развалина ко мне? И нас не

оторвать. То ли он сейчас приступает к лечению того, от чего я вылечился. То ли я заболеваю тем, что у него уже было.

Если я молодой и сильный и меня зовут не Миша, почему от меня шарахается молодежь и весь дамский танец я непри-
нужденно разговариваю, чтобы не замечать, как меня не при-
глашают?

Почему же я, такой молодой, не присоединюсь к этим тро-
им с гитарой, а пробегаю, озабоченно хмурясь? И с малень-
ким котенком, забежавшим согреться, мне скучно через со-
рок пять минут. И если я такой молодой и красивый, почему
задыхаюсь и вместо лыж опять сижу дома, и копаюсь, и вспо-
минаю?.. И работу, и знакомых, и людей, людей, людей...

Откуда же у меня так много людей, если мне так мало?

И почему мама так постарела, Господи?..

И почему отец уже умер, и отчим?.. И даже... И даже...
мои одноклассники.

Нет. Очевидно, они не ошиблись, выдавая мне паспорт.

Да. Я примерно тот, что там указан...

Может быть, кроме внешности, имени и немножко все-
таки возраста.

Да бог с вами, я довоенный... Но у меня есть своя радость.

Встретить другого такого престарелого сорванца, который
думает, что они ошиблись. И объяснить с полным знанием
дела, что такие ошибки бывают.

Я просто знаю одного такого, ошибочного.

Как я пишу?.

Как я пишу?.. Если бы я знал и мог объяснить, я бы преподавал в техникуме. Я сам не знаю. И не скромничаю, не дай бог. Не скажу, что часто спрашивают, не скажу, что много записок и писем приходит. Я думаю, что, перестань писать, – много вопросов не возникнет. Но иногда кто-нибудь подвыпьет и вдруг спросит: «И где это вы темы берете?»

Как будто он ходит в другую поликлинику.

Интерес к личной жизни работников искусств нам чужд. Я думаю, потому, что в личной жизни этих работников ничего интересного не происходит. Так что пишу я в однокомнатной квартире, там же и живу. Это Ленинград. Хотя до Ленинграда два рубля или час в веселой атмосфере общественного транспорта. До Москвы тоже час. Работаю в мелком жанре, рассчитанном на хохот в конце. Если слушатели не смеются, расстраиваюсь, ухожу в себя и сижу там. Чужой юмор не понимаю: в компанию лучше не приглашать... Ну, там, лысый, длинноносый. Тем, кто не видел, лучше не видеть. Тем, кто один раз видел, тоже не стоит повторяться. К женщинам интерес потерял ввиду большой сложности подходов на улице и отсутствия приходов ко мне.

Профессия так называемого сатирика наложила глубокий отпечаток на поведение. Глаза бегают, волосы падают, часто останавливаюсь и круто оборачиваюсь. Одет в серое, так что

хожу вдоль стен. Куда-то тороплюсь, хотя на сером свержу не виден. Начитан слабо. На вечеринках молчу, дабы было что печатать. Дома ничего не делаю – отсюда прозвище Квартирант. Давно не танцевал, особенно – темпераментно, ярко, с мычанием и подкатами. Мое поколение не танцует, то поколение, что танцует, нельзя назвать моим, хотя я к ним перебежал раза три, но всегда возвращался ввиду слабости здоровья.

Пишу коротко. Во-первых, все это можно сказать в двух словах. А во-вторых... Это для тех, кто меня не видел. Для тех, кто не желает видеть, имею отдельный разговор.

Жлобство – это не хамство

Жлобство – это не хамство, это то, что образуется от соединения хамства и невежества с трусостью и нахальством.

Жлобство, простите, так присущее многим из некоторых, которых мы часто встречаем порой и страдаем от этого.

От голода голодаем, от болезни бодем, от холода мерзнем, от жлобства страдаем.

Если, конечно, вам не повезло и вы тихий, вежливый, исчезающий от прозвищ и частых упоминаний матери...

Поздравим себя – все меньше удовольствия хаму, все уже поле его деятельности.

Наша берет.

В чем был его кайф?

Изрыгнуть внезапно, чтоб у всех отвисла челюсть и попадали руки.

Чтоб посинели лица в безумных поисках ответа.

Было такое.

В пору пребывания в толпе мягких, воспитанных дам-с, юристов-с.

Но, слава богу, эти времена прошли.

Теперь хам получает повсеместный ежедневный отпор.

Бледнеть некому-с.

Хрупкая скрипачка в автобусе оборачивается и врезает между ртом и глазом матросу-сантехнику так, что тот на гла-

зах корежится, жухнет, пускает жуткий синий дым и сваливается в сугроб.

Две нежные школьницы самого субтильного возраста и вида так шарахнули матом в ответ на короткое слово дремучего алкоголика, сопровождающее предложение отойти, что, не дослушав полностью ответ девочек и получив портфелем с коньками по голове, мужчина сошел через закрытую дверь.

Поздравим себя – публика перестала распадаться на выступающих и слушателей. Едины все участники дорожного движения.

Наличие в руках фাগота или Ромена Роллана не дает хаму возможность надеяться, что перед ним интеллигентный человек.

Усиленные занятия карате и знание мата без словаря приближает час всеобщего трамвайного равенства.

Нерадивость породила дефицит, дефицит – воровство, воровство – хамство, хамство – нерадивость, которая породила дефицит. Отсюда и выход из замкнутого круга, который должен быть, но его надо искать.

А пока в преддверии исчезновения хама как отдельной личности его успешно заменяет отдельный коллектив.

Трудности кино

Очень большие трудности у киношников. Самые большие, жуткие трудности у киношников. Прямо не знаешь. Требования к достоверности возросли, а танков старых нет, маузеров мало. Фрак народ носить разучился. Хамство и грубость в Сибири как раз получаются ничего, а образование в Петербурге не идет пока. Аристократизм в Петербурге пока не идет. Если герой просто сидит – еще ничего, а как рот открывает – так пока не идет. Или там собственное достоинство, вот эта неприкасаемость личности...

Чувствуется, что ему рассказывали. Может, требовали, ругали, зарплаты лишали, по больничному не платили. Ну чтобы сыграл он чувство этого достоинства. И, видимо, хочет: и голову поднимает, и на цыпочки, и выпивает, чтоб укрепиться, но еще не знает как.

Женская гордость – так, чтоб без мата, изнутри... Ну, еще когда лежит, укрывшись простыней, диктор говорит: «Гордая очень». А когда откроется, так еще пока не доносит – вздрагивает, косится, и это еще чувствуется.

Граф английский – тоже неловко, боком, все боится войти к себе в замок. Ну если пиджак от шеи на четверть отстает и шейка как пестик в колоколе, как же ты аристократизм покажешь, если штаны и пиджак надо непрерывно поддерживать?! Или руку королеве целовать, или панталоны держать.

И руку пока еще надо у нее искать: она тоже пожать норовит.

Еда не дается пока. Вот не само глотание, а еда как трапеза. Старух на консилиум приглашали, но и они подрастеряли искусство еды: тоже норовят целиком заглотнуть и еще – в сумку. А это реквизит.

И старики подзабыли ходьбу такую, чтоб пиджак не двигался отдельно от хозяина. Или – весь гитлеровский штаб в мундирах не по размеру, а диктор говорит, что вся Европа на них работает. Но это все внешне, конечно, и раздражает какого-то одного, кто остался в живых и еще помнит.

Внутренне плохо идут споры, даже литературные. Все как-то придерживаются одного мнения и, ради бога, не хотят другого, ради бога.

Пока еще смешно выглядит преданность одного мужчины одной женщине, пока смешно выглядит. И вообще, обращение с женщиной, все эти поклоны, вставания, уважение, преклонение... Их делают, конечно, но за очень дополнительные деньги. Консультант один, лет восьмидесяти двух, тоже уже замотался: Душанбе, Киев, Фрунзе, Ташкент... «Извольте, позвольте», «Только после вас», «Я был бы последним подонком, мадам, если бы оставил вас в соответствующем положении».

Не идет фраза: «Позвольте, я возьму на себя» или: «Вам ведь трудно, разрешите я...» – А уж фраза: «Я вами руководил, я отвечу за все» – прямо колом в горле стоит. А такая: «Мне не дорого мое место, дорого наше дело» – получается

только по частям.

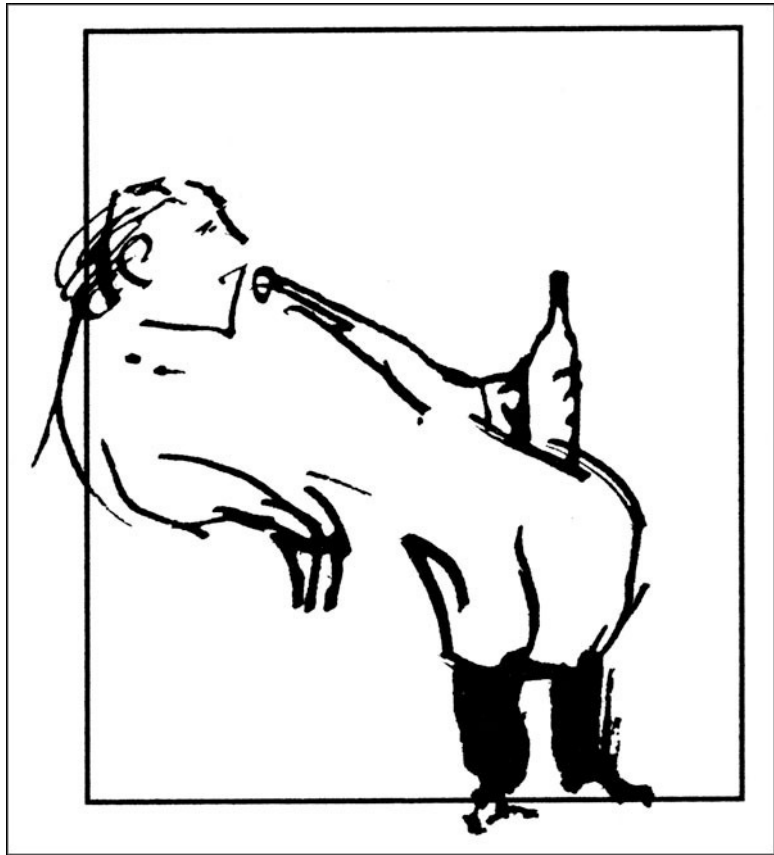
Сложно пока стало играть эрудированного, мыслящего человека, и хоть исполнитель морщит лоб и прищуривается, такой перекося лица еще не убеждает.

Сохранились костюмы и обувь, но, когда мы над старинной дворянской одеждой видим лицо и всю голову буфетчицы современного зенитного училища, что-то мешает нам поверить в ее латынь.

Группа американских ковбоев на лошадях пока еще криво скачет, и даже у лошадей наши морды.

Ну а там – баночное пиво, омары, крики «Я разорен!» или «Мне в Париж по делу!» хоть и русским языком, но ни исполнитель, ни аудитория этого языка пока не понимают.

Но с уходом стариков со сцены и из зала равновесие между экраном и зрителем постепенно восстанавливается.

Писательское счастье

Что такое писательский ум? Не договаривать половину фразы.

Что такое писательское счастье? Немножко написать и жить, жить, жить.

Что такое писательский ребенок? Тот, кто о любви к себе узнает из произведений отца.

Что такое писательская жена? Женщина, которая сидит дома и с отвращением видит в муже человека.

Что такое писательская квартира? Место, где у него нет угла.

Что такое писатель в семье? Квартирант под девизом: «Ты все равно целый день сидишь, постирал бы чего-нибудь».

Что такое писательская жизнь? Ни одной мысли вслух.

Что такое писательская смерть? Выход в свет.

Он не знал

Он ничего не знал.

Он не знал, что такое плохо. Не знал, что такое хорошо.

Он что-то помнил.

А отец и мать уже умерли... Ему не повторяли.

Ему не повторяли, что нельзя чужое называть своим.

Не знал, кто у него был в роду. Совершенно не знал истории своей и своих.

Гордился чем-то. Не знал чем.

Ибо то, чем гордился, нельзя было показать.

Ничего не мог спеть. Не знал слов.

Хлопал, когда все хлопали.

Чувствовал, что нравится.

Не мог объяснить.

Не мог объяснить, так как никто не спрашивал.

Не то что поступить, а рассказать, что такое честно, не мог и не знал, что есть нечестно.

Что есть нечестно?

А что есть честно?

Нельзя лишь то, за что сажают.

Но сажают не каждый день и не каждого.

Бывает, долго не сажают, – значит, можно.

Ну что же бабушка?

Ну что же бабушка?

Кто же ей поверит?

Плохо, мол.

Что ж плохо-то?

Сама-то еле дышит, еле ходит.

В церковку послушать ложь.

Что в церкви ложь и Бога нет, знал, а что такое правда, не знал.

То вроде все правда. А то вроде вранье.

А может, правда все, чего не видел сам.

То, что видел, не сходилось с тем, что слышал.

Ну, значит, правда всюду, а здесь вот как-то местно... Может...

Не знал.

Неясная ворочалась злоба на то, что местно.

Лично.

Не сходилось.

Ну, сорвал злобу на ком-то. Не знал стихов, книжек. Так – кое-что из песен, из передач.

Вся эрудиция – из «Мира животных» и «Клуба путешествий».

Не знал родного языка, слово «нежный» не произнес ни разу в жизни.

Что – воровство?

Ну да, ну догадывался, что влезть в чужой дом, со звоном сломав...

Но тоже конкретно не предупреждали. Просто догадывал-

ся, что посадят, побьют. Сам бы побил. Но со склада? С работы? Как не понести?

Дружба?

Да.

Дружба.

Заменяет все.

Ты меня уважаешь? Горячие руки.

Колючие, вонючие поцелуи.

Пять – десять – сто – тысячу раз предавали, подвергшись незначительному давлению, подчиняясь и раскалываясь мгновенно.

Да и что там было предавать?

Для чего так дружить?

Постепенно потерял смысл дружбы.

Остались поцелуи, копейки остались.

Остались копейки.

От дружбы.

Не знал новостей.

Газет.

Театров не знал.

Никто не приглашал.

Да и не слышал, чтоб кто-то рассказывал.

Не знал преданности.

Грязную постель и не называл любовью.

Слово любовь – знал.

Никогда им не пользовался.

И не слышал от других.

Только по телевизору.

Понимал, что окружающие состоят из мужиков и баб.

Живут вместе, чтоб хозяйство, дети.

Ругань всякая с ними.

Покупки.

Расходы.

Не знал и попроще.

Вкуса еды.

Не знал питья.

Лимонада.

Одежды.

Не знал интересной работы.

Самостоятельности.

Говорил: мне положено.

Как все, так и мы.

Он даже не знал, на что способен. Что думает по какому-то поводу.

Ну не знал.

Никто же не спрашивал.

Когда в молодости разок ляпнул – погорел.

Сладкую ненависть, месть – не знал.

Враги там.

Когда они приезжали, вроде ничего люди.

Но ведь враги.

Замышляют.

Хотят отнять.

Хотят, чтоб стоял в очередях. Чтоб не знал ничего, кроме водки, бабы, болей в почках, очередей.

А он и не знал ничего, кроме этого.

Наши неудачи

Вы не имеете права мучить родных неудачами, неидущей работой, разваленной жизнью. Только радовать. Вы должны радовать их успехами, карьерой, блеском и уважением начальства.

И высоким заработком.

Неудачи делают вас невыносимым. Невыносимым делают вас неудачи. Прежде всех не понимают жена, дети, мать.

Вам смотрят в затылок.

Вам смотрят в затылок.

От этого ваши дела усугубляются. Ваши дела усугубляются, вы уже огорчаете всех.

Вы расстраиваете неповинных. Вы расстраиваете неповинных, а ваша голова...

Ваша голова, как любой другой орган, в такой обстановке отказывается работать.

От поисков идей, открытий у вас образуется пришибленный вид.

У вас образуется пришибленный вид, а попытки помочь по хозяйству лишь подчеркивают положение. У вас вырывают ведро.

У вас вырывают ведро и – «Твое место не здесь!».

А где ваше место? А где ваше место? И вы идете на улицу. Вы пытаетесь мужественно смотреть на прохожих. Но у вас

срывается взгляд.

У вас срывается взгляд и перекошены брюки. Перекошены брюки, и старая знакомая давно уже вышла замуж – и ни в какое кино, и зачем ей это снова, зачем ей это снова? А старый товарищ, а школьный товарищ бежит. А школьный товарищ, а старый товарищ бежит каждый день, все увеличивая дистанцию от инфаркта, от родных, от новостей и прейскурантов. Он бежит. И говорить с ним... И говорить с ним можно только на бегу под дождем, когда он в трусах, а вы в плаще, и все увидят, как счастье и несчастье бегут рядом. Снова бегут рядом.

А тот... А тот один, кто буйным ветром занесен в Алма-Ату, – тот сидит там и стесняется...

Тот сидит там и стесняется писать. Сюда оттуда. Стесняется. И когда вы не вдруг, а точно и буквально напились, обнаружив в себе, обнаружив слабость характера и неустойчивость позиции, развязка завитала и затряслась маманя. Маманя ночью под подушкой затряслась, рыдает мама, зажимает рот... Страшнее нет. Жена и дети – все скрывают слезы. На вас без слез, на вас без слез вообще нельзя и незачем смотреть.

От вырезок о вреде водки вы напиваетесь страшнее, вернее, снова... и просите вас поддержать жену, чтоб выпить с вами... Жена. Она бледнеет. А вам надо. Вам надо с кем-то. И вот уже не дома, на скамейке в парке какой-то девушке в немых босоножках снизу ног вы повторяете рассказ с при-

певом: «Да, она меня не понимает» – и, сосчитав в кармане мелочь: «Я тебя озолочу!..»

И на вокзале в сопливой, гулкой, рваной тишине, меж телогреек и кирзой буфета, роняя капли, пишете в Алма-Ату.

И только когда быстро. И когда жутко быстро... И когда страшно быстро... Когда мгновенно вдруг пришел ответ...

Пришел ответ, где то же, только ярче. Глубже и занятней. Где их с беременной женой, ее ребенком, первым мужем и его женой хозяйка выгнала. Оне...

Оне живут у дворника и ездят на трамвае в кухню. А туалет в горах, и банятся в четверг. Восьмой четверг второго месяца нисана, и, вашу боль поняв, проникшись вашим горем, он просит вас прислать пятерку на расход и челюсть новую для сына, из пластмассы.

Вы чувствуете – вам немного лучше... Вам немного лучше... А вот и лучше быстро, быстро лучше... Ах, ибо.

Ах, ибо ваши неудачи кому-то кажутся мечтой. Домой идите быстро.

Старших и ведущих инженеров...

Старших и ведущих инженеров послали в колхоз перебирать кукурузу. Из кучи початков они выбирали несгнившие, очищали и перебрасывали через себя в направлении города. Перебирать вторую кучу прислали ученых. Они перебирали и перебрасывали через себя. Как только пошла гнить куча номер три, прислали врачей. Группа врачей перебирала и перебрасывала к городу через себя. Последнюю небольшую кучу у самого города перебирали учителя. Так была решена проблема транспортировки, хранения, а также осторожно и тактично намекнули: кончится кукуруза – кончится и интеллигенция.

Обед

Двое: Большой начальник и Младший научный сотрудник.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, вы пейте... И вот что, Василий Алексеевич, я хотел попросить. Вы занимаете такое положение...

Большой начальник. Ты понимаешь. Я такой человек, и все. Вот такой я человек. (*Выпил.*) А ты вот такой человек.

Младший научный сотрудник. Да, Василий Алексеевич, я такой... Вы закусывайте. Вот, съешьте.

Большой начальник. Закусываю, съедаю. Потому что такой я человек. Да. Такой я человек. А ты мне нравишься. Да. Ты мне нравишься. А что, я не прав? Скажи, я не прав?

Младший научный сотрудник. Правы!

Большой начальник. А почему я должен не приходить, почему я должен не есть, не пить, если ты меня приглашаешь? Я должен не есть?

Младший научный сотрудник. Не должны.

Большой начальник. Ты меня не знаешь. Нет, ты меня не знаешь. Я прав.

Младший научный сотрудник. Нет.

Большой начальник. Я не прав?!!

Младший научный сотрудник. Правы!

Большой начальник. Ты меня не знаешь.

Младший научный сотрудник. Вас все знают.

Большой начальник. Никто меня не знает. Вот такой я человек. Запомни. Я знаю, почему ты меня пригласил. Но это неважно.

Младший научный сотрудник. Нет, важно. Я вас пригласил потому, что мне очень приятно. А если мне очень приятно, я делаю невзирая... *(Начинает.)* Василий Алексеевич...

Большой начальник. Я не верю, что тебе это приятно. Но я знаю, что делаю. Я могу и выгнать.

Младший научный сотрудник. Конечно можете. Но мне очень приятно.

Большой начальник. А я не верю, что тебе это приятно.

Младший научный сотрудник. Ну вот... очень приятно.

Большой начальник. Я не верю, но я это делаю. Я такой человек. Вот такой я человек.

Младший научный сотрудник. Неправда, мне очень приятно, Василий Алексеевич.

Большой начальник. Наливай и себе. Не стесняйся.

Младший научный сотрудник. Спасибо. Я налью. *(Начинает.)* Василий Алексеевич...

Большой начальник. Я бы иначе и не пришел, черта с два я бы пришел. Думаешь, ты один меня приглашаешь? Я от не каждого принимаю. Я человек железный. Если мне кто неприятен, могу ни капли не выпить. А с тобой – нет. Тебя люблю и пью из твоих рук. Ставь стол – я твой. Вот какой я человек. Да. Я такой человек. Вот такой я человек. Да, я

именно такой человек.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, помните, я к вам подходил, я вас тогда просил, а вы сказали...

Большой начальник. Каждый, каждый хочет, чтоб я пил в его присутствии. Ты понял: все просят, и каждый просит. Звонят и просят. В коридорах. В кабинете и на улице. Пять минут о погоде – и попросил. Понял? Как жена, как дети – и попросил. Пятьсот звонков с просьбами, триста встреч с просьбами, три бани с унижениями. Вот ты умный, ты интеллигент, что ты будешь делать?

Младший научный сотрудник. Да, Василий Алексеевич.

Большой начальник. Да. Все время один. Потому что все время один и потому один все время. Да. Такой я человек. Такая дружба. Один просит все время, а другой от него прячется. Вот такая дружба. Да, такая дружба. Это охота. Да, это охота. Это охота. Да, а не дружба. Не дружба. И поэтому с друзьями тяжело. Их нет. Все до ордера. Ордер – и открытки на Новый год нет. Нет открытки. Звонка нет. Пока лекарство не понадобится. Да, пока не понадобится лекарство. Да, именно оно. А ты со мной будешь дружить долго. Ты меня будешь долго любить.

Младший научный сотрудник. Ха-ха... (*Встревожился.*) Я-то конечно. Но у меня же простой вопрос... Василий Алексеевич, у меня прописана...

Большой начальник. Просят, просят. Почему только у ме-

ня?.. Потому что такой я человек. Да. Ты знаешь, кого бы я полюбил? Того бы, кто бы у меня бы... ничего бы не попросил бы. Я бы для него бы все сделал бы. Ты видел этих просящих? У них в глазах это все и в руках. Отвратительный народ.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич, но я, по-моему...

Большой начальник. Ты тут ни при чем. Да, ты тут ни при чем. Я почему тебя люблю?..

Младший научный сотрудник (*с ужасом*). Почему?

Большой начальник. Потому что ты у меня ничего не просишь.

Младший научный сотрудник. Дело не в любви. Мы же мужчины. Можно и не любить особенно.

Большой начальник. Нет... Если не люблю, вообще ничего не сделаю и говорить не могу...

Младший научный сотрудник. Да. Конечно, любить обязательно. Конечно. Это смешно. Это естественно. Поэтому я рад, если вы меня полюбили.

Большой начальник. Да. Но ты это заслужил. За то, что ты ни о чем не просишь никогда. Поэтому я тебя и пригласил за этот очень скромный стол. Очень. Да. Очень. Неказистый.

Младший научный сотрудник. Я пытался... Извините... Три четверти меню вычеркнуто... На остальных стоит «нет». Это домашняя селедка... А вот тут жена... соленья... Я в портфеле принес...

Большой начальник. Ты прав. Очень противный стол. Обидный стол. Незаслуженный. Одни оскорбления на столе. Обиды... Не позволял я себе такого. Давно... Не заслужил. Вот эта канистра с денатуратом...

Младший научный сотрудник. Домашнее, Василий Алексеевич.

Большой начальник. После стирки осталось... Я хотел не один прийти... С человеком. Который решает. Много решает. Сам. Другим не дает, сука! Люблю я его. Но его обидеть рука не подымается... Хорошо, что не взял. Я уж ладно. Я снесу. Мне деваться некуда. Я пришел. Буду жрать это тряпье. Обглаживать эти голыши. Булыжник лизать. А он-то чего виноват? Степан Иванович хотел со мной, сука. Я его еле дверью отсек. Подонок. Его за что?! Чтоб он со мной месяц не разговаривал?... Ты не желудочник?

Младший научный сотрудник. Да нет. Мне все можно.

Большой начальник. И мне все можно. Поэтому ты сгорел. Что ж ты натворил? Что это за стол? Знал бы, я бы тебя не пригласил. Такой я человек. Да. Ты, я вижу, скоро пойдешь – уйдешь, видимо, отсюда к чертям. Или еще посидишь? Ты, если не можешь, не сиди... А встречу мы перенесем. Да, перенесем. Точно. Вот это да. Мы будем считать, что ее не было. И ты будешь считать. Засчитывать ее не будем. Не засчитаем. Потому что, если мы ее засчитаем, это тебе поражение. Ни дружить со мной, ни любить меня, даже узнавать меня я тебе не позволю. Такое не прощается. А я твердый чело-

век. Да, я такой, очень твердый и именно, да. Точно. Мы эту встречу переносим. Туда, на вторник...

Младший научный сотрудник. На вторник? За что? У меня все решиться должно. А если прямо завтра?

Большой начальник. Нет, ты не готов. Ко вторнику успеешь. Я возьму Степана Ивановича, Гришу, бабья. Попробуем все сначала. И я тебя буду любить. А теперь иди. Ко мне придут.

Младший научный сотрудник. Василий Алексеевич...

Большой начальник. Иди, пока я тебя не разлюбил. Закажи еще на двоих и уходи. Только чтобы я тебя простил. Тебе сейчас это главное. А я буду их кормить, чтобы они тебе тоже решали... Попытайся очень быстро уйти...

Младший научный сотрудник. Значит, я могу?..

Большой начальник. Ну, дай тебе Бог...

В спорных местах я молчу, в бесспорных говорю, в остальных пишу и тихо вздыхаю. Разные методы спора: индийский, китайский, японский и наш. В спорных местах я молчу, в бесспорных говорю, в остальных вздыхаю. Игра ума в одни ворота. Опять я проиграл. Игра моего ума на базе рассольника. Вот научусь наслаждаться лесом, травой, водой и облаками и перестану. И даже вздыхать тихо не буду. Научусь, научусь. Я уже многому научился.

Литература – это искусство избегать слов.

Я впервые почувствовал, что есть правда в словах застоя: «Разрешите высокое звание, присвоенное мне, считать заслугой всего коллектива нашего прославленного ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, ордена «Знак Почета» многострадального народа многонациональной России».

Неумение сказать «нет».

Это ходить, куда не хочется.

Это говорить, с кем не надо.

Это сидеть на иголках.

Это жить с теми, кто пришел.

Это – к той большой закрепощенности своя внутренняя, и они сливаются.

Отсюда хамство в неожиданный адрес.

И вдруг я обиделся на женщину, которую забыл.

Сидишь дома – кажется, все дома сидят.

Выйдешь на улицу – кажется, что все вышли.

Попадешь на вокзал – думаешь, ну, все поехали.

В больнице впечатление, что все туда залегли; на кладбище – все загигают.

Ну много нас. На все хватает. И всюду чересчур.

Глубокой старухой ко мне заглянуло детство. В пожилой

женщине я встретил свою юность, и загорелым недоступным чудом мелькнул сегодняшней денек.

Соколиная охота. Беру брата-красавца. Иду по Невскому, вижу красивую девушку – выпускаю брата! Раз! Она – моя.

Дураки очень любят наказывать умных.

Во-первых, себя поднимают.

Во-вторых, умней получают.

В-третьих, все видят, кто главный.

Единственное – потом не знают, что делать.

Ребята! Наши беды неперевоимы.

Было мясо – и нет его. Хотя вот оно. И так всю жизнь. Где оно? Да вот оно. Где, где? Да вот, вот!

– Куда раки делись?

– Экология.

– Куда евреи делись?

– Экология.

Настоящая ненависть сама себе придумывает аргументы и находит факты. Можно стать изобретателем от ненависти. Опровержения для ненавидящего ничего не значат – они нужны третьему, который стоит неподалеку.

Я вновь не прав, я снова жду чего-то.

Куда ходит наш человек?

Куда чаще всего ходит наш человек?

К какой-то матери, к чертям собачьим, к свиньям, вон отсюда, регулярно заходит завтра, идет куда угодно, только не сюда, чтоб его больше здесь не было. Он не видит, что обед. Не понимает, что входить нельзя, сует свои деньги, не видит, что закрыто, не понимает, что их много, не соображает и лезет, не втемяшит, что этот стол не убран, что касса справок не дает, что здесь стоять нельзя, а сидеть не на чем.

Отсюда: куда он больше всего ходит?

К едреной матери, к чертям собачьим, вон отсюда, катится к чертовой бабушке, до четверга, чтоб его духу здесь не было, если появится еще раз, то вызовут милицию. Пусть ищет, где хочет, садится, если найдет. Должен соображать, если мозги есть. Все понимает, но прикидывается и старается мешать всем, куда приходит.

Что он не видит?

Что здесь табличка, на которой ясно указано, что здесь цена, где ясно указано, что вот указатель, где ясно сказано, что в постановлении ясно сказано, и по радио было ясно сказано, что предыдущим из очереди было ясно сказано...

Что он не понимает?

Что сюда нечего свою справку совать, что мест нет, а предыдущий имел бронь, что в продаже нет, а предыдущий

взял по другой линии, что это опытный образец, значит, не должен работать, что этого лекарства нет, ибо лекарство помогает всем, значит, оно дефицитно, значит, были злоупотребления, значит, злоупотребления пресечены, значит, лекарства нет. Что сейчас трубы хуже и их заменяют чаще, поэтому их нет. И мало ли... и вообще, и не обязан никто, и все...

Что он, не в состоянии понять?

Что сейчас трубы хуже, чем были. Их больше, но меняют чаще, поэтому их нет. И воды нет, ибо труб нет и ей не в чем. А будет, когда поменяют. Не меняют, потому что их нет, потому что они хуже, хотя их больше, но они хуже, и вообще, и все. И почему садятся в тюрьму начальники ОБХСС. Почему наведение порядка кончается беспорядком, переходящим в наведение порядка, переходящего в беспорядок, переходящий в наведение порядка.

Что он не хочет понять?

Что он не один, что здесь люди занятые, что такие ошибки в порядке вещей, что это возрастное, поэтому чего же лечить, когда это возрастное, когда тут молодежь, и помолодел инфаркт, и посвежел маразм, и это в порядке вещей, и мало ли вообще...

Чего он не чувствует?

Что сейчас другое время, что не время смешить, что не время петь, что это там наверху решили, а внизу свои условия, и не надо газету совать, а в колхоз ехать надо и на ово-

щезабу надо пока. Что значит – пока? Это значит – пока. Сам почувствует. А он не чувствует, оттого что он не видит, не слышит и не понимает элементарных вещей, поэтому куда он чаще всего идет? Вон отсюда, к едреной матери, к чертям собачьим, катится к чертовой бабушке, идет туда, сюда, в третье, десятое, его духу не должно быть в разных местах от девяти до восемнадцати с перерывом на обед с часу до двух.

Что делать?

Я сделал мерзкое открытие.

Критиковать нашу жизнь может человек слабого ума.

Настолько все ясно. Простейшие организмы изрекают, чего не должно быть. Этого, этого, этого, этого.

Самый элементарный подведя итог: этой жизни быть не должно.

Теперь высокие умы сели соображать, что нужно сделать.

Думали-думали, думали-думали и сказали: этого не должно быть;

этого не должно быть;

этого не должно быть.

А должно быть:

это;

это;

это.

Как перевести из «этого не должно быть» в «это должно быть»?

Думали, думали: попробуем так...

Попробовали.

Нет, этого не должно быть.

Попробуем так...

Попробовали...

Нет, и этого не должно быть.

Итак, что не должно быть, знает каждый.

И что должно быть, знают все.

Перехода не знает никто, поэтому сдается мне:

а) перестать думать;

б) перестать действовать;

в) оставить все в полном покое.

Организм, возможно, соберет себя сам. И медленно начнет совершенствоваться.

Тяжелый характер

Талантливый человек слишком неудобен каждому и хорош для всех. Его нельзя принимать в больших дозах. Тяжелый характер вызывается причинами, неудобными для многообразного объяснения.

Такой человек в словах видит больше смысла, чем туда вкладывает собеседник, и обижается. Ему страшно мешает жить собственная фантазия. Его нельзя оставлять обидевшимся. В своем воображении он дойдет до убийства.

Ему нельзя две-три работы подряд назвать плохими: он запаникует, попытается расстаться со своей профессией, будет делать неумелые пробы другого и внутри сойдет с ума. Снаружи начнет пить с кем попало и жаловаться встречным.

Цветут деревья во влаге и солнце, расцветает талант в атмосфере любви и восторга. Он не виноват: роль выбрала его.

Он настолько уверен, что делает плохо, что похвала всегда приятно поражает. Зазнайство при таланте невозможно, оно наступает после.

За зазнайство часто принимают тяжелый характер. Тяжесть для собеседника представляют ответы невпопад, переспрашивания от погруженности во что-то. Это раздражает одного, тут же обижает второго, затем вступает воображение – и скандал.

Тяжел попытками назвать все вещи своими именами. До-

копаться до черт характеров собеседника и назвать их. Это невыносимо. Женщины красивые, которые вообще склонны преувеличивать свои успехи, с радостью убеждаются, что перед ними плохой человек. Именно они авторы формулировок: «Хороший поэт, но плохой человек».

В то же время человек талантливый хорошо чувствует, как принимается его появление, присутствие, видит полет слов и попадание, что порождает в нем деликатность. Обидные слова произносит только в накаленной атмосфере. Воображение позволяет ему предвидеть реакцию. Он неудобен тем, что независим и смел. Не он сам – его талант. Он сам зависим, привыкает к месту. Боится потерять жизнь, но производить другое не может, так как видит себя со стороны.

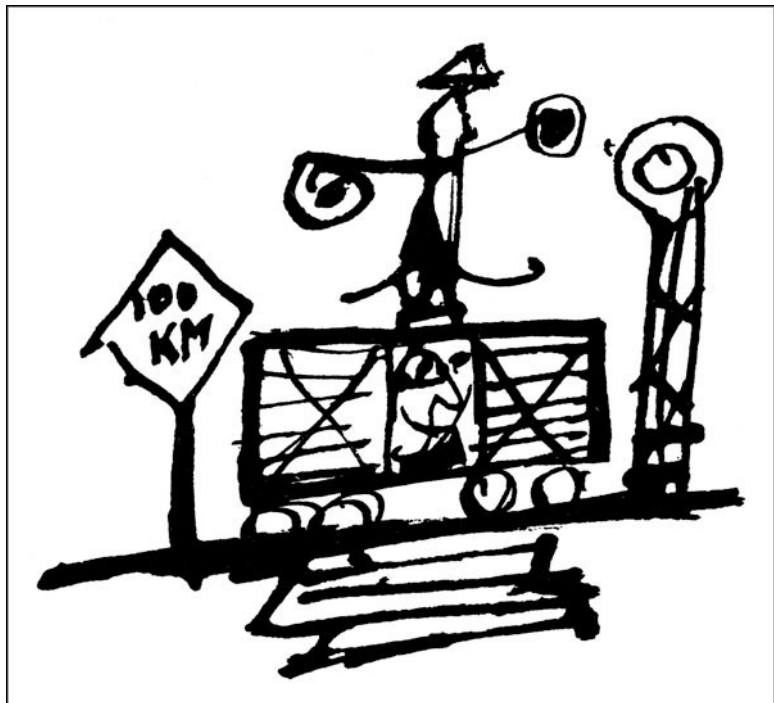
Наивен, потому что не насторожен. Бывает скуп, так как боится за свою жизнь, не умея приспособиться.

Иногда жаден в еде, ибо редко получает удовольствие. Привыкает к месту, но не моногамен. Ищет опьянения и не знает, чего именно избегать. Он позволяет этому случиться, но всегда возвращается.

Искренне удивляется, услышав крик. Совершенно не может вести семью. Хотя может о чем-то договориться. Но железную последовательность и упорство в делах должен проявлять другой человек. Опять-таки потому, что он, не сознавая, проявляет упорство там, где он талантлив. Его хорошо прикрепить к кому-то или к двоим и рассматривать как одно целое.

Нас тянет к таланту. Слушать его. Сидеть рядом. Надо понимать его узкое предназначение и помогать производить то, что у него лучше получается. Мы должны ему нести сырье, и не бескорыстно. Он весь воз потянет. Он создаст.

Гениальные произведения – такие же создания Бога, как птицы и животные, непоявление их оставляет место это пустым.

Из размышлений под оркестр легкой музыки

Трусость и человеческое достоинство.

Ему сказали – он встал на колени. Ему только намекнули. Другой встал без намека, чтоб не били. А его все равно били, как обычно.

А он потом не мог понять, почему ему не встать на колени. Он же давно этим занимается. Он даже стал ниже.

Где же? Где же человеческое достоинство? Вдруг спросили. И вдруг его. Чтобы он вдруг ответил. Нам с вами, стоящим рядом. Что человеческое достоинство появляется тогда, когда в нем есть нужда. Оно не может витать в воздухе, как запах. Ему нужна почва.

Неужели можно с достоинством просить впустить вас в гостиницу, где вы живете? С огромным достоинством просить место за столиком, билет в театр, на поезд, на самолет? В аптеке вы рассказываете о себе, о больной жене, о ребенке, просите то, что положено.

Человеческое достоинство, как оказалось, несовместимо со словами «прошу вашего», «убедительно прошу», «прошу по моей просьбе». Человеческое достоинство, или же совесть, не радуется оттого, что в магазинах нет, а на столах есть. Это за счет совести и достоинства...

Человеческое достоинство. Оно не обнаружилось в шко-

ле, ждут его появления в институте.

А мужское достоинство? Вы мужчина, вы должны содержать женщину, кормить, одевать. Конечно, вы приглашаете ее. Вы мужчина, и деньги наконец есть. Есть ли там билеты? Вы хотите ее устроить. Вы мужчина, а вас не поселяют. Вы, мужчина, только что шипели ей на ухо то, чему так яростно аплодировали.

Вы мужчина, а не можете достать мебель, стул, кровать. На вас плюет другой мужчина только потому, что он водопроводчик. Где проявить мужской характер? В драке, под забором. Разве вы можете обещать даме, что вас где-нибудь ждут, что где-то вам будут рады?

А когда вы прорвались в ресторан, к вам обязательно подойдет алкаш: «Разрешите вашу даму?» – и вы сразу на грани драки, свалки, где вы выглядите алкашом, а он выглядит достойно, потому что его сегодня уже били. Когда же вы мужчина? Когда же вы защитник и кормилец?

Разыскивается человеческое достоинство. Утеревший просит его не беспокоить.

Восточная мудрость

Как сказал один восточный мудрец, живущий в Одессе, нельзя быть честным и нечестным в одно и то же время, даже если это происходит в разных местах.

Прохожий

Ну что же, обманывать, присваивать сначала государственное, потом колхозное, потом бригадное, а уже потом конкретное соседское. Деградация идет, как обычно, сверху вниз. Только страх суда останавливает какие-то руки. Закон. Как же получается? До этого мрачного слова – закон? Где наше простое домашнее – брать чужое нельзя! Брать чужое – никогда! Даже умирая. Где простые понятия? Воспитать овчарку в краденном ошейнике не брать из чужих рук под страхом смерти даже колбасу. И ведь эти лохматые не берут даже колбасу и даже мясо, хотя мясо берут все.

Все это, конечно, наше эстрадное, утрированное. Не читать же, в самом деле, малоинформированному писателю перед сидящим в зале глубокоинформированным работником ОБХСС.

Так как же так? Что же говорить ребенку? Если его иметь. Решить. Как же его растить не в противоречии со взрослым миром. Один взрослый берет на чай. Другой сказал, что придет, и не пришел. Третий обещал повести в лес и не приехал.

Районо издает приказы, которые не собираются выполнять. Папа приносит с завода какие-то сетки и натягивает их на окна. Потом мама приносит краску с фабрики. Какие-то люди достают из-за пазухи свиную печень.

Газета пишет: «Тенистый зоопарк, в котором представлено много экзотических животных, размещен на углу Лесной и Космонавтов, прохладные аллеи, роскошные вольеры, кафе для детей». «Папка, побежали!» – кричит взволнованный ребенок. «Конечно, пока этого еще нет, – продолжает газета, – но архитекторы Гипрограда задумались над первыми листами эскизного проекта».

Видимо, он будет, но его нет. Как ребенка научить мыслить будущим в отрыве от настоящего? Мы же боремся за повышение рождаемости. А главное в этом вопросе, чтобы мама, папа, школа, и газета, и наша жизнь говорили одно и то же. Нас же пугают трудные подростки с отрешенным взглядом.

Мы уж как можем. У кого отголоски святого «не укради», «не убий». Кому еще бабушка, верующая бабушка, успела сообщить. Ну, объяснили, что Бога нет. А почему нельзя ругаться матом? Сквернословить? Ну почему? Ну если все вокруг – и девушки-артистки, и руководители районов. Что значит: не бей женщину? Постороннюю, что ль? А это же жена! Не пинай слабого. Почему? А если он противный? Ну очень... Как проповедовать те заповеди из Библии, которые сейчас известны как правила хорошего тона, и не более? А

знание Уголовного кодекса как папина угроза снять ремень. Как просто сказать: «У него много, а у тебя мало, возьми у него». И как долго потом надо учить его не брать чужое, государственное, колхозное, бригадное и соседское. А почему, действительно? Что тут плохого? Ну лежало, и никого. Парочка ушла, а чемоданчик-дипломатик остался возле урны. Мы постояли, подождали, они не вернулись, мы взяли и пошли. Вот он, Костенька с ним в институт ходит.

С одной стороны, мы одолжили у религии моления, покаяния и светлое будущее, зачем же останавливаться? Не убий! Не укради! Не оскверняй! Не пожелай ближнему... Нужно же детям, если мы решили их иметь. Что там – с молоком матери... Слабая теперь надежда на отца и мать: очень у них рыло в пушку.

Поговорите с людьми, сидящими на письмах и жалобах, они вам скажут, какая главная струна – зависть. У него машина, шляпа, велосипед, у меня только телевизор. Откуда у него? Судя по зарплате, у него должен быть только велосипед. Почему его жена тащит такие кошелки, ящики? Что там? Я считал его зарплату. Что в тех ящиках? Как у него в квартире? Давайте ходить проверять, почему мы не ходим, товарищи? Давайте напишем, давайте сообщим. Такие люди очень удобны ОБХСС. Сиди, жди сигнала. Я, кстати, думаю, большинство дел раскрывается именно таким способом. Но что же делать с детьми, если решить их иметь?!

А уж примитивным отцам скажу: да перестань ты завидо-

вать. Нету там ничего. На твоих глазах инженер стал жить хуже рабочего. Он же пытается перейти обратно – не дают ему. И в дворники с высшим не берут. Токари имеют садовые участки, а артисты балета снимают комнаты на свои восемьдесят. Инвалиды у нас первые на квартиры и на телефон, что же им не завидовать?

Ну кто же, в твоём понимании, безумно шикарует – директор завода? Устроим к нему экскурсию. Походи по его трехкомнатной квартире, полежи на его диване, надень его тапочки, открой кастрюли его, хлебни. Хлебни! Чего там такое закладено?! А теперь пойдь на его место, если голова позволяет.

Ну на кого еще можно написать? Профессор, академик. Давно на них глаза горят, это они в белых рубашечках ходят, за какие-то идеи, слова деньги получают. Ну бери их инструмент. Лист бумаги, карандаш – выскажись. Да не в ОБХСС, в ученый совет пиши. А деньги его?! Да, прибыль он дает несколько больше тебя твоему родному государству. Чтоб тебе потом на дома отдыха и санатории, чтоб кормить тех, кто твои письма разбирает. А на его зарплату такая орава найдется, что на душу населения такой же доход, как и у тебя, больного. Или он другое смотрит по телевизору? Улучшай свою жизнь, доброжелатель, что ж ты пытаешься ухудшить чужую?

И запомни еще одно небольшое наблюдение: у нас с большими деньгами делать нечего. Первым до этого дошел Остап

Бендер, будучи вообще человеком неглупым, вторыми стали тысячи. Деньги требуют оборота, вклада в строительство, в расширение. Для жратвы и барахла они не годятся. По четыре цыпленка не сожрешь, в два телевизора смотреть не будешь, на трех машинах на работу не поедешь.

Что ты еще придумаешь? В Пицунду, в Сочи, в «Арагви». Ну? Вот уже и фантазия лопается. Уже и глаза останавливаются. Один выход – накачать племянников, самому вдребезги и так валяться по кабакам Мурманска и Магадана, покудова не спымают, потому что у пьяного человека ловкости никакой, он ворованного не скрывает. А если не спымают на перебеге, сам быстро-быстро сыграешь в ящик от совершенно белой горячки. У нашего человека никакой фантазии насчет больших денег нет, а в бриллиантах он ни черта не понимает. Жалкая судьба у ворованного миллиона.

Так как же насчет того, иметь детей или не иметь? Как же с разными подростками? Как же с заповедями: не убий, не обмани, не пожелай горя ближнему своему?..

Успокойтесь, уйду (Для Р. Карцева)

Да, я ушел от нее из-за того, что она не оставила мне кусок торта.

Да! Они съели все, а когда я пришел – ничего не было. Да! Я ушел из-за этого. Вы все правы. Вот такой я псих. Нет! Не из-за того, что нет никакого сочувствия в ее глазах, когда ты болен и надо просить лекарство и слышать в ответ: «Не надо было кричать. Не надо было орать... Не надо было... Не надо было...» Конечно не надо было.

Месяц не было никакой еды, кроме той, что сам принес. Годами не могу понять, на что уходят деньги, все увеличиваясь в размерах.

Никто в доме не работает, кроме меня, и я должен все увеличивать работу, не имея еды и уговаривая что-то постирать. Я должен запоминать дыры в носках, ибо «почему ты мне не говорил?», я должен закрывать куда-то свои письма, записные книжки, ибо оттуда вычеркиваются, выскребаются фамилии знакомых.

– Почему ты орал?! Вот ты и слег. И нечего теперь звать на помощь. Сам виноват. Сам виноват. Сам виноват.

Да! Я сам виноват. Надо было в той милой, мягкой, женственной девушке разглядеть сегодняшнего партнера. Чудовищно изогнуться, и разглядеть, и предвидеть. Каждое возвращение домой – не ко мне. Меня могут выставить всегда

и внезапно. А оставляя меня одного на какое-то время, выносят книги и ложки.

Я ухожу из-за того, что мне не оставили кусок торта. И когда я спрашиваю: «Почему ты так кричишь на свою мать?» — «Это ты виноват. Ты сделал меня такой».

Я сделал? Очень может быть. Никак не могу сделать такой свою маму. Не могу высквернить своих друзей. А сволочи, с которыми я познакомился давно, были такими и до меня.

Да. Я виноват. И надо идти, ибо из-за меня может стать истеричным ребенок, его тетя, племянницы, все соседи. Очень хочется что-то плохое сказать о себе. Но спросите у них. Все, что вы узнаете там обо мне, будет так плохо, что мне можно не беспокоиться, как оживить свой образ.

Я повернулся к стене.

Я обиделся... И замолчал.

И настойчиво, громко и бесконечно спрашивали, почему я молчу. Неужели из-за того, что мне не оставили кусок торта?

— Да?

— Да!

— Вот! Вот какой ты человек. Теперь понял! Теперь спи! Такой ты человек.

— Сплю. Такой я человек.

Куда денешься от своего характера? Со мной невозможно жить. Я не могу, когда лезут в душу, и часто хочу быть один. Не люблю, когда читают письма ко мне и вычеркивают там

что-то. Не могу жить без сочувствия, без помощи. Не хочу бежать куда-то, чтоб поговорить. Не хочу искать любимую еду в доме у тетки. Не хочу, чтобы с моим появлением прерывался телефонный разговор.

– Подожди. Я уже не могу говорить, он пришел.

И у меня не хватает сил, упрямства, чтобы оправдывать себя, тянуть на свою сторону и все время доказывать, доказывать, да так и не доказать, в чем я не виноват.

Да, со мной действительно невозможно и никто не мог жить. И я ухожу, чтобы остаться одному. И ухожу-то из-за чего? Из-за того, что мне не оставили кусок торта.

Осень

Осень. Запел Лев Лещенко, подавая всей стране сигнал. Как всегда, в суете, ожидании отдыха промелькнуло лето. Кто хочет его продлить, едет по карте вниз, кто хочет прекратить, поднимается вверх к нам.

Совершенно, совершенно прекрасная осень. Стучит Москва в окошко Ялте – возвращайтесь...

Осень. Чуть длиннее ночи – возвращайтесь...

Соленые, пыльные, коричневые, с белыми ресницами и горячей кожей – возвращайтесь. Вас ждут чудесные дни, когда за окнами с утра дождь, в гардеробе истекают зонты, а в комнате тепло и сухо, и от шороха капель приходят самые главные мысли.

В аэропортах запахло жареным – люди располагаются надолго. Пора. С проезжих частей исчезают мотоциклы. А мотоциклисты, оказывается, обычные ребята, и, если отобрать у них это оружие, они совсем не шумят.

Последние месяцы разъезжают автолюбители, непонятно, почему их так называли. Они не так любят ездить, как им просто надо куда-то.

Эти люди еще некоторое время ездят, а потом не выдерживают, потому что холодно, автомобиль весь в снегу или мокрый, и завывает, и весь какой-то неприятный.

А тот, что у мотоциклиста, просто падает набок, и лежит,

и не желает – бери его на руки, и все.

Вот кто всегда движется – так это лошадь. Она, во-первых, самая умная из них всех, а главное, самая добрая и никогда не наедет на своего старшего брата, человека, мотающего через дорогу по своим спешным и, как ему кажется, важным делам. Она просто переступит ногами – вот так, – взглянет на эту мокрую компанию в шелестящих плащах и опустит глаза, явно пытаясь понять, что происходит, почему все выражают такое нетерпение: трамваи сердито звонят на «Жигули», те тоже квакают, и все срываются, и бегут, прибегают, и включают, и сидят слабо освещенные голубоватым светом.

Лошадки в городах не имеют вида, не поспевают. Все теперь бегает быстрее, чем они, это и породило у лошадей цинизм и мудрость, что как ни торопись, а свободных дней не будет в самом конце, и смешно бежать к открытию и закрытию, и придумывать себе конец месяца, конец квартала. Это все смешно, думает лошадь, пропустив вперед всех и везя бочку с известью для того забора, что должен быть немедленно, к двадцатому, сейчас же. Срочно. Ах! Смешно. Когда вокруг осень и облака бегут, как когда-то, и пейзаж – желтизна с сединой, и натуральные меха снова лучше синтетических, и парное молочко, и месяц в деревне, и Болдинская осень, и Псковская область, и вся страна, где Родина и осень, – это то, что вызывает сладкое чувство тепла и покоя, что бы там ни было за окном.

Броня моя

Я хочу купить, как во время войны, танк на средства артиста, но пользоваться самому какое-то время.

Приятно, наверное, внезапно появиться в ЖЭКе и попросить заменить пол на кухне, не выходя из машины. Хорошо въехать на базар и через щель спросить: «Скоко, скоко? Одно кило или весь мешок?»

Хорошо еще иметь приятеля на вертолете, чтоб летел чуть впереди, и пару друзей с автоматами, чтоб бежали чуть сзади.

Так можно разъезжать по городам. Ночевать, где захочется.

В поликлинике насчет больничного листа осведомиться. Зайти к главному потолковать, пока друзья под дверью расположились.

Очень хорошо, если кто-то ругается. Продавщица, допустим, так орет, что в машине слышно и ребята сзади аж спотыкаются. Это очень удачно – подъехать к лотку, въехать прямо на тротуар и спросить: «Из-за чего, собственно? Почему бы не жить в мире и спокойствии?» И на ее крик: «Это кто здесь такой умный?» – «Я!..» И подъехать поближе, громяхая и постреливая вверх совершенно холостыми, то есть очень одинокими зарядами.

Вот и очередь у гастронома врассыпную. «А чем, соб-

ственно, приторговываете, из-за чего, собственно, жалобы? Может, обвес, обсчет, обмер? Ну-ка, взвесьте-ка мне и сюда, в дырочку, положите».

А трамвай сзади тихо стоит, не трезвонит, частнички до-рогу не переезжают, хотя и мы на красный ни ногой, ни тра-ком, то есть кончик ствола у светофора замер и только на желтый взревело.

Конечно, это уже не бумажные фельетоны, тут, если со-средоточиться на ком-то, его можно все-таки устранить вме-сте даже с окружающими или, по крайней мере, обратить внимание общественности. Что, мол, откуда эта стрельба, дым и дикие крики? А там как раз обращают внимание об-щественности на скверные ступени, то есть тот дикий слу-чай, когда перила дают движение вниз, а именно лестница его задерживает.

Или – где тянут со строительством, просто подъехать и спросить. Но чтоб он через задний ход не сбежал, друзья должны его оттуда вернуть и подвести к стенке, где графи-ки. Пусть с указкой объяснит. Так же с перебоями в молоке. Попросить председателя встретиться с начальником и при-гласить к стенке с обязательствами.

Потом, насчет очков. Их нет или они есть? Или есть, или нет? Не в очках дело! Пусть четко скажут – они есть или их нет. Лекарства выписывать те, что есть, или те, что лечат, и чем они отличаются. Я не думаю, чтоб они длинно говорили. Да и просто легче кого-то подсадить на поезд, в степи встре-

тить и подсадить. Билетов все равно нет, а места все равно есть.

Да Господи, имея такой аппарат, нетрудно весь художественный совет пригласить к себе по поводу принятия этого монолога. Если кто против, спросить, сидя на башне и хлебая из котелка: «Почему, собственно?» Не просто – ему не понравилось, и мы не играем, а спросить: «Почему, собственно?» Мы можем даже вместе выйти на сцену: один читает произведение, а другой тут же объясняет, почему этого не надо делать, и – кто больше соберет народу. Пусть эти ребята тоже дают прибыль.

Да мало ли куда можно подъехать справиться, как там идут дела. Но тут уже не по телефону, тут, как никогда, важен личный приезд. И устроить прибытие скорого танка по вызову. Это вам уже не группа психологов, которая успокаивает под девизом «То ли еще будет!» Это мы, конкретные ребята, мотовзвод огнестрельного сочувствия. И чтоб прошел слух, что врать нам стало небезопасно, что из-за неизвестного жильца может приехать. Я с друзьями, и наша броня также глуха, и пусть у него хоть на какое-то время отнимется его вранье, которое ему кажется умением разговаривать с людьми, пусть оно больше не вырабатывается его председательской железой, пусть он не учит нас, ибо результатов у него никаких, а ждать, что он сам поймет, уже невозможно...

«Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди...»

Мы природу бережем

А что, по-моему, мы природу бережем, как никогда. Меха есть? Нет. Кожа есть? Нет. Зима есть? Шкуры, шерсть, бумага?.. Бережем для будущих поколений. Уже приступили. Нехай флора радуется, пусть эта вся фауна бегают, пузом трясет, лоси ляжками мелькают, наши «Жигули» несчастные давят, соболя нехай скачут, веселятся, овцы-зануды с гор подмигивают. Бараны тупые нехай скачут, плодятся, с изюбрами совокупаются. Овцороги, козлотуры, дубины патлатые, с белыми медведями целые острова захватывают. Ничего, мы еще потерпим. Мы вокруг сидим, ножички об камешек, об абразивчик – вжик. Пусть плодятся, пусть от своего рева с ума сходят – померзнем, ничего, штаны подтянем. Чем меньше ешь, тем оно тучнее будет. Фрукту от себя бережем, козлам даем нагуляться. Как они только все места займут, их численность превысит нашу втрое, так налетим и по сигналу – кто сколько схватит. Распотрошим, сожрем. Все, что в козле, – внутрь, что на козле, – на себя, включая рога, глаза и суставы... По четыре изюбра и три тополя на душу. Участникам войны – по шесть.

Пусть он пока радуется, тройку-пятерку лет еще поскачет, жир нагуляет. Мы ему все припомним, все сосиски нейлоновые...

Конечно, успехи медицины огромны

Десяткам тысяч возвращено зрение, миллионам возвращен слух. Правда, с появлением зрения возникают новые проблемы: квартира – ремонт, изображение в зеркале требует замены.

С возвращением слуха слышны крики в трамвае и юмор, комментарии по телевидению международной жизни.

Массу людей вылечили от болезней желудка. Им нельзя было есть жирное. Теперь можно есть все. Все, что есть, можно есть. То есть появление новых лекарств и исчезновение старых продуктов образует взаимозаменяемые пары.

Обильная пища вызывает склероз сосудов.

Ограниченная – вспыльчивость.

Сидение – гипотонию.

Стояние – тромбофлебит.

Что с человеком ни делай, он упорно ползет на кладбище...

Неужели снова хорошо?

Товарищи! Я саблезубый сатирик-баталист. Я ваш едренный, наждачный профессионал. Скажу сильно: заработок упал. Есть подозрение, что все хорошо. Я сижу и прислушиваюсь, а люди молчат, по большому счету, или отзываются одобрительно, предварительно оглянувшись. Соль в беседах пропала. За проведенную в полном молчании ночь люди благодарят друг друга. Кто-то в углу на десять копеек вякнул и испугался, девушка на три копейки пискнула и исчезла. Компания за весь вечер на пять рублей – про плохой пошив, ну, может, на шесть, если усмешнить и разбить на мужчину и женщину. Копейки, ребята.

Тут заскочили двое поддавших, еле на ногах, а такие факты. Кто, мол, такие гиганты строит? Перегрузочный комплекс построили, а грузить нечего. И так все зло, остроумно. Такая светлая безвыходность, такая радостная обреченность, что и концовку придумывать не надо. А не дадут. Построить – построят, а написать не дадут. Ты, мол, стройку высмеиваешь, а мы тебе плати. Чего там – плати? Пятьдесят миллионов вбухали, а полтинник на высмеивание жалко. Как ни крутился, на ЖЭК переводил. Дворник велел возвести – стрелочник спустил указ. Копейки, ребята. В трамвае за целый день рубля на два наездил. Тут на углу возле винного одна спросила, как к театру пройти. Ей ответили рублём

на десять. Я там оказался, рубликов на пятнадцать записал. Копейки, ребята.

Конечно, есть овощная база, но неудобно там все время ошиваться. Им и так хватает. И ОБХСС, и «Мосфильм», и драматурги. Зритель сладкую жизнь любит, а где, кроме как у завбазы? Он самый верхний из нижних, кого трясти можно. Вот возле него народ и притаился с блокнотом, но завбазы уже это знает и опасается открыто сладкую жизнь вести. Завбазы не хочет, чтоб на нем все зарабатывали. Он вообще в жизни встречаться не хочет, только в фильмах. А публика романтику ищет. Публика риск любит, публика от завбазы смелых поступков ждет. Публика вообще смеяться хочет. Публика деньги платит, чтоб на ее глазах все громить, критиковать, публика хочет, чтоб на ее глазах жизнью рисковали, она за это по рублю даст. Сказать, мол, что, елки-палки, в машинах носишься, а культуры никакой. Что, елки-палки, решать берешься, а Бог ума не дал.

Собрания перестали прибыль давать. Там редко кто взовьется. Все там на одобрение перешли. О долголетию думают. Бегом от инфаркта, и как можно быстрее, даже если взовьется кто, остальные и к этому одобрительно отнесутся. Вот, мол, и у нас один честный есть. Там пение. Один поет, остальные подхватывают: «позвольте мне», «позвольте мне». Копейки, ребята.

Так и ошиваешься – прачечная, химчистка, урология, управдом. Внутри себя все высмеял. Ногу подвернул – вы-

смеял. Бегом занялся – высмеял. Маленькие деньги высмеял, большие деньги высмеял. Один крикнул: «Позвольте, я вас перебыю!» «Всех не перебыешь!» – крикнул я. Слабенько. Копейки, ребята.

Старик я. Вскрывают, ребята, не дайте подохнуть. Мы, как анатомы, зарабатываем на вскрытии, никто не говорит об устранении, просто подъем настроения и к зиме что-нибудь. Каждый плохо изготовленный трактор сулит два экономических эффекта – от усовершенствования и от высмеивания. В плохую конструкцию уже заложен гонорар. Сообщайте, ребята, не стесняйтесь. Я же вижу, кое-какие замечания есть. Говорите при мне, я усмешню, не называю место, не называю век, и мы прилично завтракаем в тени тех лопухов, что так упорно изводим.

В Париже

– Неужели я никогда не буду в Париже?

– А вы давно там не были?

– Я никогда там не был.

– То есть давно не были?

– Никогда не был.

– Ну значит, очень давно.

– Если мне сорок, то примерно столько я там не был.

– Ну это не так давно.

– Да, сравнительно недавно.

– И уже тянет.

– Да, уже потягивает.

– Но еще можете терпеть?

– Терплю.

– Вы потерпите. Может, и обойдется. Вы где будете терпеть?

– Да здесь, где ж еще.

– Прекрасно. Вот стул. Рекомендую путешествие, но не вдоль, а в глубь материи. Прильните к микроскопу, путешествуйте в атом, и никто вас не задержит. То, что останется над микроскопом, недостойно сожаления. Вы ушли. Перед вами не банальная ширь, не заплеванный горизонт, а невиданная глубь, что гораздо ценнее и чревато открытием. Париж истоптан. Молекула – нет. Ввысь тоже не стоит.

Наш ученый, ярко глядящий вверх, имеет вид присевшего журавля.

Идите в клетку. Ищите в атоме. Оттуда – в гены. В генах, кроме всего прочего, ваша тяга к Парижу. Там есть два таких шлица справа, подверните отверткой, вот этой. Генная регулировка. Поворачиваете отвертку. Желания сжимаются, вытягиваются, чернеют и исчезают, оставляя счастливое тело.

Вместе

Да здравствуют лысые болезненные люди, вселяющие в нас уверенность.

Да здравствуют все, кому нельзя, делающие нашу трапезу праздником.

Да здравствуют желудочники и сердечники, среди которых вы обжора и молотобоец.

Пусть их радует огромная роль фона в нашем обществе. Вашу руку, ревматики, колитики, гастритчики и невротики! Запретных вещей нет, есть вещи нерекомендованные, которые мы тут же совершим под завистливые вопли осуждения. Больной и здоровый живут одно и то же время, только те силы, что больной тратит на отдаление, здоровый – на приближение яркого света в конце тоннеля.

Только вместе – together, являя наглядную кривую полноты жизни. От чего к чему, а главное, о том, что между. Бесквартирные, помогайте цепляться за квартиры. Неустроенные, вызывайте такой приступ держания за свое место, чтоб его можно было вырвать только с этим местом.

Не соответствующие должности, бездарные в науке и культуре, работайте непрерывно, создавая материальные ценности, принципиально новые машины и кинофильмы, ставьте спектакли, стройте дома.

На этом синем фоне клочок бумаги с жалкой мыслью бу-

дет переписываться миллионами от руки, а появление убогих способностей будет принято за рождение огромного таланта, что даст ощущение счастья всем участникам нашего движения под завистливыми взглядами других народов.

Вперед, широкоплечие, бездарные и симметричные, – ваша взяла.

Волевой

Я человек волевой: что себе обещал, то себе сделаю. Я сидел старшим бухгалтером. Десять лет отсидел. И вдруг пошло у меня снизу вверх. Беспокойство. Будущее свое очень ясно начал видеть. А тут один тип предложил: «Ты что пропадаешь? У тебя же голова великолепная, сила воли изумительная. Пойдешь к нам в Алма-Ату научным сотрудником на двести пятьдесят плюс три шестьдесят две за одаренность? Обязанность на труд у тебя есть, право на отдых вырвем».

Меня отпускать не хотели, повышение давали. Крови потратил, пока уволился, прибегаю, а они уехали в Новосибирск. Догнал самолетом за пятьдесят четыре рубля, являюсь, они говорят: «Тут такое произошло, многое изменилось, не надо больше ничего. Тех, что есть, видеть не можем».

Я мебель там продал, вернулся, мебель тут купил. Еле уговорил взять меня на старое место, но уже не бухгалтером, а счетоводом, но если буду стараться, обещали снова бухгалтером. А тут группа одна проезжала. Они так и сказали: «С такой головой счетоводом сидеть? Иди к нам подрывником. За каждый взрыв отдельно, плюс осколочные, плюс вся убитая дичь – тебе».

Я сбегал, уволился. Прибегаю. «Тут, понимаешь, – гово-

рят, – этот гад, что тебе наобещал, куда-то смылся. Мы сами его не знаем. Он вообще за наш столик подсел минут за десять до тебя. У одного из нас тридцать рублей одолжил. Обещал скоро быть. Ты иди назад – у нас драка будет».

А я начал блат искать. Нашел большой блат. Взяли меня на старое место. Правда, уже не бухгалтером и не счетоводом, а курьером, но зато с двухнедельным оплачиваемым, с правом выезда на отдых в любое место Союза. Это я у них вырвал, а также право читать художественную литературу в нерабочее время.

А тут недавно у меня один сумрачный малый останавливался. Проездом из Ашхабада на Камчатку. «Пошли, – говорит, – на тигров для Бугримовой. Только тигров ей отдаем, все остальное – наше. Там, – говорит, – есть некоторая трудность, чтобы с ним встретиться. И хорошо надо запомнить место, где капканы, потому что он их обойдет, а из нас один уже три раза на цепи сидел. Но если, слава богу, встретились, то все в порядке. Подкрадываемся с двух сторон. Он бросается на одного, а второй – сеть на них обоих. Остальное – дело техники. Можно змееловом оформиться. Очень большие деньги за яд платят. И в Средней Азии в тепле сидишь, ждешь встречи».

Поехали мы с ним в Душанбе. В окопе лежали две недели. Схватил я одну. Неядовитая. А та, вторая, что ядовитая... Та – наоборот... Где она меня нашла? Ну, в госпитале недолго лежал и назад подался. Директору дрова рубил, весь местком

в театр водил. В общем, взяли, взяли меня на старое место. И – в бухгалтерию. Правда, уже не счетоводом и не курьером, а полотором, но с правом роста и натирания в любом месте в любое время суток. Это я у них вырвал.

И тут недавно мне мысль у одного типа понравилась: «Чего тебе, – говорит, – со старой женой жить? Она же тебя дискредитирует. Ты – вон весь какой, она – вон вся какая». В общем, подал на развод. Теперь знакомиться надо. Ну, кто? Кому нужен решительный мужчина, который знает, что хочет? Я если что задумал – все равно добыю. Я работу добил и личную жизнь добыю. Так что если знакомиться – налетай. Я тут недалеко натираю.

Рассказ подрывника

Я, в общем, тут чуть не подорвался...

Просили рассказать. Мамаша! Что, я не понимаю?

Да не беспокойтесь... бть... дети могут не выходить.

Ну что... бть... вы все такие нежные?

Ну действительно, чуть все не сыграли в... Бть...

Степь... Канал...

Идет баржа... Белая!.. Длинная, как!..

Ромашки!.. Ну просто!..

И тут подрывники суетятся... как...

Заложили килограмм по пятьсот тола и тротила ... его знает!

Провода у них длинные... как...

И тут надо было дернуть за!.. Ну чтоб... Бть...

Главный орет: «Махну платком!.. Давай!..

Но только по платку... прошу...

Если дернешь без платка... Мы ж на барже... Не надо! Не стоит... Мы ж будем проплывать!..»

Ну, он только собрался... А тут все готово... огромная баржа... Поле это... огромное... ну, как... голое, как... Ну точно...

И ни одной... вокруг... Ну действительно, как!..

Он уже поднял платок, мы думаем: ну!.. Бинокли...

И тут кто-то как заорет: «Стоп!.. Прошу!.. Стоп... Умо-

ляю!»

А главный в мегафон: «Кто крикнул «стоп»?!. Из вас... Кто мне... Я сейчас каждую... Я сейчас из нее!..»

Мы ж в определенной точке... У нас же заднего хода нет! Мы ж баржа!.. Нас же несет!.. Чем я этот «стоп»?.. Какой ногой... Об какие берега?.. Уволю!..»

А младший ему: «Я, в общем, на вас! На вашу баржу!.. На ваш канал!.. На всю вашу степь!.. С вашими окрестностями!

Ты ж смотри, какая-то плывет... вещь!»

Глядят все, аж!.. Всплыла – тротил или тол ... его знает... вся в проводах, никто ж не знает, они же специалисты... Как она ту баржу догнала!.. А мы ж все на барже, она под баржей!.. Цепляемся, как!..

Если б не тот пацан, все б... Разлетелись, как вороны...

Я – начальнику: «Что ты орешь? Ты молись!

Ты этого пацана, ты его должен поцеловать... в... Ты ему должен обнять...

Это ж был бы полный!..

Ты б свою Дуську!..»

Вот такая приключилась...

Ну сейчас все участники каждую пятницу собираются в кафе... А то б видел я тут вас, а вы меня... с бть... с... де-вушками...

Лица прохожих

Хочу достойно ответить на обоснованные, хотя и беспочвенные жалобы иностранцев: «Почему у вас люди хмурые?» У нас! Для них «у нас» – это «у вас». Какие-то вещи не мешает уточнить перед тем, как ринешься в драку. Да! То есть нет. Хотя для неопытного взгляда – да.

Прохожие озабоченные, в основном в принципе деловые, как правило, и тихие. Иногда детский смех птичкой вспорхнет, на него шикнут, он упадет камнем, и снова тишина, наполненная гулом машин и шарканьем подошв. Но уже не в ногу, что хорошо, а вразнобой.

Как объяснить иностранцам? Прохожие озабоченные и невеселые. Это, конечно, сволочные магазины такое влияние имеют и дикие зубные врачи с плохими исходными материалами. То есть внутри наш человек все время хохочет, а наружу улыбнуться нечем. Особенно сельскому пожилому человеку женского пола. Такого количества никелированных зубов мир не видел, нам трудно в аэропортах контроль проходить, хоть догола разденься – все равно звенит. И дело не в низких урожаях, а в низкой квалификации сельских стоматологов.

Поэтому они или трудовой рукой рот прикрывают, или мрачно смотрят вниз. Кстати, качество улыбки зависит от качества еды.

Бросаются в глаза тяжести, перемещаемые нашими людьми вручную на огромные расстояния. Опять же магазины. Где что дают – не знаешь. Деньги есть. И принимаешь тяжесть на себя. Поэтому в моде сейчас рюкзаки, которые не мешают носить кошелки. Конечно, парадоксально видеть на улице такое ходячее противоречие, когда в магазинах – ничего, а торбы в руках пудовые. Это пчелиный труд – обойти все цветы, чтобы в деревню привезти то, что там производят.

И на лицах, конечно, озабоченность судьбой страны, которую разворачивают уже шестой раз в попытках поставить по течению. Так что лица действительно озабоченные. Даже лица писателей хмурые и суровые. Забота о будущем и тревога за прошлое. Глубокая мрачность и вечная хмурость свидетельствуют об истинно народном характере.

Да, нам пока нелегко порадовать приезжего туриста. Количество милиции, конечно, возбуждает, хотя это не значит, что они все действующие. С другой стороны, частота, с которой хочется крикнуть: «Товарищ милиционер!» – не уменьшается. Весь народ мечется в поисках милиции и какого-нибудь начальства. В крови несем: «Увидел – сообщи». Выросли со словами «увидел – сообщи». Почувствовал – сообщи в газету. У кого-то заподозрил – сообщи в КГБ. У себя заподозрил – сообщи врачу. Мы сообщаем, а там мгновенно – штаб ликвидации, ну не так чтоб ликвидировать, как поделить ответственность.

Повышенная мрачность населения порождает мрачность

животных. Корова хмурой не рождается, она ею становится. Где ее нос, а где ее корма? Хмурые, мрачные уличные собаки, также озабоченные жильем и кормами. Все чаще на воротах: «Вход воспрещен, злая собака». То ли собака злая, потому что вход запрещен, то ли он воспрещен, потому что она такая злая. И конечно, у начальства, которого у нас впервые в мировой практике больше, чем подчиненных, хмурость является боевой практикой руководства массой.

Что значит достать до печени абсолютно равнодушного служащего? Значит надо его виртуозно оскорбить. Причем достать до печени и там оскорбить, будучи равнодушным или даже веселым самому. Это происходит под девизом: «А ну-ка, позови его, я сейчас при тебе с ним, извиняюсь, буду жить». Услышав такое веселое поручение, не подозреваешь, что культурный секретарь может так преобразиться. А он преображается и виртуозно глубоко оскорбляет чужое достоинство, откалывая от него целые куски. В ход идет самое сокровенное: и «косой», и «хромой», и «неспособный», и «если вы думаете, что услуги, которые вы оказываете жене начальника, вас освобождают, и если вы думаете, что обед, на который вы меня позвали, вам дает, то я душу вашу видел и имел в гробу» – для всякого рода восклицаний.

Такой разговор порождает ответную хмурость, которая дикой грубостью расцветает в семье, где к тому же грубящий уже давно не является кормильцем, а такой же рядовой истец, как и его супруга, получившая втык от соседей за шум

после одиннадцати.

Эта всеобщая атмосфера вздрюченности, построенная на незаинтересованности, попытках допугать до конца, тоже отражается на лицах и так расстраивает наших капиталистических друзей из-за зеркальных стекол автобуса. Кстати, и у них рожи перепуганные. Но об этом потом.

Одеты мы путем разных махинаций уже неплохо. Едим кое-что, но это не при дамах. А хмурость и грубость бросаются в глаза. Советы врачей, что, мол, увидев пустую аптеку, пересильте себя и улыбнитесь, или, услышав грубость, улыбнитесь в ответ, осуществляются с трудом. А тут выясняется еще одно обстоятельство. Большая приверженность верхов и низов к тишине. У нас всегда на чей-то смех или пение выскакивают пыльные мышевидные старушки: «Тсс-с! Тихо! Тихо!» – и вскакивают обратно.

– Что такое? Что за ё... еще попробуем. А-а-а!

– Тсс-с! Тихо! Тихо!

Из всех подвалов, подворотен, чердаков, мусорников: «Тихо! Тише!»

Так и хочется спросить:

– Ребята, чего-то вы там делаете? Спите все или чего-то измеряете? Вам зачем такая тишина нужна? Вы что, все при смерти, а?

– Тихо, ты, не видишь тут!

– Что, что происходит, ребята?

А ничего не происходит.

Начальство ради тишины вообще жизнью жертвует. Им, если все тихо, – и премию дают, и всяческие надбавки. Это от них идет шипение: «Тсс-с! Тихо!» – и нам передается: «Тсс-с тихо, тихо чтоб!» Тихо – значит хорошо. Такой у них девиз. Поэтому им нравится кладбище. Поэтому они так любят чувствовать покойников. А освети прожектором – все замашут: «Тсс-с, выключи! Тихо чтоб и темно...»

А теперь пришла пора объяснить иностранцам. Им надо сказать так: «Хмурость и мрачность свидетельствуют о надежде, овладевшей массами. В то время как веселье и хохот сообщают, что такой надежды больше нет!»

Это общие рассуждения к общей картине. А теперь **КОНКРЕТНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ К ОБЩЕЙ КАРТИНЕ.**

Вопрос: «Ребята! А может, в социализме еще можно что-то поискать?»

Ответ: «Это под кроватью можно что-то поискать. А в социализме мы уже все переискали».

Давайте в августе...

Вы не хоронили в августе в Одессе? Как? Вы не хоронили в августе в Одессе, в полдень, в жару? Ну, давайте сделаем это вместе. Попробуем – близкого человека. Давайте.

Мы с вами подъедем к тому куску голой степи, где указано хоронить. Кладбище, мать их!..

Съезжаются пятнадцать – двадцать покойников с гостями сразу. Голая степь, поросшая могилами. Урожайный год. Плотность хорошая. Наш участок 208. Движемся далеко в поле. Там толпы в цветах. Все происходит в цветах. Пьяный грязный экскаватор в цветах все давно приготовил... Ямки по ниточке раз-раз-раз. Сейчас он только подсыплет, подротет, задевая и разрушая собственную работу. У него в трибуне потрясающая рожа музыкального вида с длинными волосами. Лабух переработанный. Двумя движениями под оркестры вонзается в новое, руша старое, потом, жутко целясь, снова промахивается, завывая дизелем под оркестры. Дикая плотность. Их суют почти вертикально. Поют евангелисты. Высоко взвивают евреи. Из-за плотности мертвецов на квадратный метр – над каким-то евреем: «Товарищи, дозвоьте мени... тьфу, а де Григорий? Шо ж ви мене видштовхнули, товарищи?»

Цветы, цветы затоптанные, растоптанные. Белые лица, черные костюмы, торчащие носки ботинок, крики:

– Ой, гиволт!

– Господи, душу его упокой!

– Дозвольте мени...

Хорошо видны четверо в клетчатом с веревками и лопатами. Их тащат от ямы к яме «Быстрой, быстрой, закопайте, это невыносимо». – «Сейчас, сейчас». – «Вначале веревки, потом лопаты». – «Где чей? Нет таблички. Где табличка?» – «Сойдите с моей могилы». – «А где мне встать, у меня нога не помещается...»

Веревки, лопаты. «Музыкант» выкапывает, они закапывают. Пять штук сразу. Между ними по оси икс – пятьдесят сантиметров, по оси игрек – двадцать пять. Много нас. Много. Пока еще живых больше. Но это пока, и это на поверхности. Четыре человека машут лопатами, как веслами. Мы им все время подвозим. Не расслабляться. Покойники снова в очередях. Уже стирается эта небольшая разница между живыми и мертвыми. Шеренги по веревке. Расстояние между бывшими людьми ноль пять метра, время – ноль пять минуты.

Крики, плачи, речи, гости, цветы, имена. На красный гроб прибывают черную крышку. «Ребята, это не наша крышка...» – «А где наша?...» – «Откуда мы знаем, где ваша?» – «Сема, держите рукой нашу крышку».

В этой тесноте над вашей ямой чужой плач.

– Он был в партии до последнего дня...

– Кто? Он никогда не был в партии. Если бы мы достали

лекарство, он вообще бы жил. Цыпарин, цыпарин. Ему не хватило цыпарина.

– Операции они делают удачно, они выхаживать не могут.

– Зачем тогда эти удачные операции?

– Вы хотите, чтоб он хорошо оперировал и еще ночами ухаживал?

– Я ничего не хочу, я хочу, чтобы он жил...

– Да скажите спасибо, что оперируют хорошо...

– За что спасибо, если я его хороню?!

– Это уже другой разговор.

– Он не хотел брать на себя. Он как чувствовал. А они ему все время: «Бери на себя... бери на себя». Он взял на себя. Теперь он здесь, а они в стороне.

– Теперь же инфаркт лечат...

– Инфаркт не лечат, его отмечают... Отметили – и живи, если выживаешь. Как он не хотел брать на себя. А они ему: «Мы приказываем – строй!» Он говорил: «Я не имею права». А они говорили: «Мы приказываем – строй!» Он построил, а когда приехала ревизия, они говорят: «Мы не приказывали». Теперь весь завод здесь.

– Куда вы сыпете наши цветы? Где он!.. Где Константин Дмитриевич?.. Константин Дмитриевич. О, вот это он... А-а... вот это он. Ой, Константин Дмитриевич, и при жизни я вас искал. Вечно вас ищешь, вечно...

– Господи, спаси и помилуй. Суди нас, Господи, не по поступкам нашим, а по доброте своей, Господи.

– Товарищи, славный путь покойного отмечен почетными грамотами.

Тут закончили, там заплакали. Тут заплакали, там разошлись. Цветы, гробы, венки, ямы, плач, вой. «Беларусь» задними колесами в цветах.

– Товарищи, всех ногами к дороге!.. Значит, вынимайте и разворачивайте согласно постановлению горисполкома.

Черт его знает, чего больше – рождаются или умирают? Какое нам дело, если нас так хоронят?..

Население!

«Не смейте кушать, Мария Ивановна, это же колбаса для населения».

Сетевые сосиски, комковатые публичные макароны, бочковые народные пельмени, страна вечнозеленых помидоров, жидкого лука. «Для удобства пассажиров маршрут № 113 переносится. Для удобства покупателей магазин № 2 Плодоовощторга...»

А оперируют они хорошо, только очень непрерывно.

Так же, как и копают.

Мы им подносим – они закапывают. Свои своих. Без простоев. Огромное поле. Все ямы на одном пяточке, ибо... Ах, ибо!

Удобно экскаватору, копателям, конторе. Всем, кроме нас.

Как наша жизнь не нужна всем, кроме нас.

Как наша смерть не нужна всем, кроме нас.

Как нас лечат?

Как мы умираем?

Как нас хоронят?

Что такое юмор?

*Под давлением снаружи юмор рождается
внутри.*

Прохожий

Не о себе. В защиту жанра. Сам стал слезлив и задумчив. Сам стал копаться в словах. Сам потерял жизнь и от этого – юмор. И, потеряв это все, расхаживая в поношенном пиджаке задрипанного философа, скажу: ничего нет лучше жизни. А юмор – это жизнь. Это состояние. Это не шутки. Это искры в глазах. Это влюбленность в собеседника и готовность рассмеяться до слез.

Смех в наше время и в нашем месте вызывает зависть. «Что он сказал? Что он сказал?» Люди готовы идти пешком, ползти: «Что он сказал?» Можете плакать неделю, никто не спросит: «Что вам сказали?» Плачущий в наше время и в нашем месте при таком качестве сложных бытовых приборов, повышении цен и потоке новостей не вызывает интереса.

Плачущий занимает более высокое положение, чем хохочущий. Это обычно министр, директор, главный инженер. Хохочущего милиционера не видел никто.

Юмор – это жизнь обычных людей. Чем меньше пост, тем громче хохот, и прохожие с завистью: «Что он сказал? Что он сказал?»

Господи, какое счастье говорить, что думаешь, и смеяться

от этого.

– Что он там сказал? – все время спрашивают сверху.

– А ничего. Мы так и не поняли.

– А чего ж вы так смеетесь?

– А от глупости.

– А где он? Мы ему ничего не сделаем. Обязательно скажите, где он. Где он – это самое главное.

– А вот он.

– Где?

– Вот, вот. Только что был и что-то сказал. Да так ли важно, кто сказал, важно, что сказал.

– Нет, товарищи, для нас важно, кто сказал и что он еще собирается сказать. Его творческие планы. Это особенно важно. Если кто-нибудь его встретит, позвоните, пожалуйста, в районное отделение культуры в любое время суток – мы тоже хотим посмеяться.

Опять хохот.

– А вы почему смеетесь? А как вообще сочиняются анекдоты? Не может быть, чтоб все сочиняли, должен быть автор. Друзья, если кто-нибудь его случайно встретит, позвоните, пожалуйста...

Почему же плач не вызывает такого беспокойства? Почему величайшие трагедии величайших писателей не вызывают такого ищущего интереса? Почему «Двенадцать стульев» не выходило, не выходило, пока не вышло? И «Мастер и Маргарита», и Зощенко? И хватит ханжить. «Двенадцать

«студьев» никак не меньше для нормального человека, чем «Анна Каренина», а «Мастер и Маргарита» – чем «Война и мир».

Юмор, как жизнь, быстротечен и уникален. Только один раз так можно сказать. Один раз можно ужать истину до размеров формулы, а формулу – до размеров остроты.

Юмор – это не шутки. Это не слова. Это не поскользнувшаяся старушка. Юмор – это даже не Чаплин. Юмор – это редкое состояние талантливого человека и талантливого времени, когда ты весел и умен одновременно. И ты весело открываешь законы, по которым ходят люди. Юмор – это достояние низов.

Ползя наверх, наш соученик выползает из юмора, как из штанов. Чего ему смеяться там, у него же нет специальности, и первый же приказ трудоустроить по профессии ставит его на грань самоубийства.

А если уж очень большой, еще осторожнее: «Им только улыбнись – сразу что-то попросят. Улыбнулся – квартиру дай, засмеялся – дочь пропиши». И, теряя юмор, друзей, любимых женщин, человек растет в должности. Развалюченная секретарша, завалюченная жена и большие подозрения, что смеются над ним, и хотя его никто не называет, но в нем появляется интуиция волка и такой же мрачный, полуприкрытый взгляд.

Вот что такое юмор. Вот что такое его отсутствие. А нам он помогает выжить. Сближает всех со всеми. На анекдот –

как на угощение.

И не надо унижать авторов. За одну фразу Ильфа и Петрова «Собаки карабкались с ловкостью боцманов» отдам целую страницу греческой трагедии со всеми содроганиями в начале и завываниями в конце; и море слез, в котором утонули четыре старухи, не стоит одного взрыва хохота в ответ на один выстрел истины.

Где рыба? Рыба где?

Я много лет хочу понять, почему во всех приморских городах мира самое красивое, самое обильное – рыбные базы, где переливаются тысячи рыб, ползают омары, лангусты, где плавают в аквариумах сотни угрей. Тысячи, тысячи разных рыб, живых и копченых.

И почему у нас в приморских городах рыбы нет? Почему нет рыбы в Одессе? Вот той морской, возле которой стоит этот несчастный город. Почему нет рыбы в морском городе? Куда она девается? При наличии министерства и самого большого в мире рыбного флота. Где бычки, анчоус, скумбрия, камбала, сардинка, глосики – где рыба?

Почему человека с пятью бычками на нитке так упорно преследует милиция? Почему еще в прошлом, позапрошлом году свободно продавалась изумительного вкуса кругленькая, упругенькая одесская тюлька домашнего соления? Почему рыбаков ловят и преследуют? Я понимаю – главная задача, чтоб не было. Но под каким научным девизом – вот что меня интересует. Действительно, святая цель – чтоб люди не ели, но хочется узнать, под каким предлогом! Запрещено ловить все месяцы в году? Рыбаку обязательно надо сожрать все, что споймал, и нельзя поделиться?

По утрам прутся куда-то в море какие-то колхозы. Они что, вообще не ловят? Зачем огромный флот? Сейнеры,

траулеры, речные, морские, озерные? Куда улов идет? В правительство? В Кремль? Там столько не съедят. В Москве бычков и камбалы черноморской нет. Куда деваете? Контроль сжирал, что ли? Рыболовецкие правления? Так там вроде милиция круглосуточно дежурит. Не купишь у рыбаков ни штучки.

Последний раз спрашиваю: куда девается свежая черноморская рыба? Почему мы должны доедать это мороженое несчастье с Дальнего Востока, которое уже кто-то ел? И не надо мне доказывать с цифрами в руках, как увеличилось потребление рыбы. Я по роже докладчика и так вижу.

Что они мне докажут? Что она есть? Когда я ее уже столько лет не вижу. Что же за специалисты такие вести вековую борьбу со жратвой? Что же они так остервенело вырывают у нас из рук бычка, судака, кильку, куда несут конфискованное? В пользу государства? Это куда же? Какое государство вырывает кусок изо рта у своих граждан в свою пользу? Все знают, что такое – в пользу государства. Это либодохнет за углом, либо тут же под водочку – в ближайшем отделении.

Могли бы объяснить, почему рыбы нет, – объяснили бы. Могли бы дать – дали бы. Не обучены! Выращивать, вылавливать не обучены. Отнимать, отбирать, разгонять, привлекать – обучены. Может, рыбу ловить нельзя? А почему? Объясни, если сумеешь. И если мы согласимся, все равно дай съесть уже пойманную, куда ты ее поволок?

Вспоминаю виденные в кино огромные, переливистые

рыбные базары, тысячи, миллионы разных рыб.

Два вопроса: почему она там есть и почему ее здесь нет?

Я видел раков (*Для Р. Карцева*)

Я вчера видел раков по пять рублей.

Но больших,

но по пять рублей...

Правда, большие...

но по пять рублей...

но очень большие...

хотя и по пять...

но очень большие...

правда, и по пять рублей...

но зато большие...

хотя по пять, но большие...

а сегодня были по три,

но маленькие, но по три...

но маленькие...

зато по три...

хотя совсем маленькие...

поэтому по три...

хотя маленькие...

зато по три...

то есть по пять, но большие...

но по пять...

но очень большие.

А эти по три,

но маленькие,

но сегодня...

А те вчера по пять...

но большие... но вчера...

но очень большие,

но вчера,

и по пять,

а эти сегодня,

но по три,

но маленькие,

но по три. И сегодня.

А те были по пять,

но вчера,

но очень большие,

то есть те были вчера по пять и очень большие,

а эти и маленькие, и сегодня, и по три.

Вот и выбирай:

по пять, очень большие, но вчера,

либо по три, маленькие, но сегодня, понял?

Не все, но понял, но не все? Но все-таки понял...

Хотя не все, но сообразил почти, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.